

словосочетаниями неродного языка, усвоить пределы возможного варьирования этих устойчивых словосочетаний в речи.

Фразеология как наиболее специфичная область языка, как важный культурологический источник требует особого подхода в ее подаче. Для овладения русской идиоматикой фразеологический материал должен подаваться на протяжении всего процесса обучения русскому языку, более того – активизироваться. Изучение русской фразеологии студентами-киргизами не только обогащает их речь, повышает грамотность и культуру речи, но и знакомит их с культурой, историей, бытом русского народа. Таким образом, язык (фразеология в том числе) рассматривается не только как предмет изучения, но и как средство познания, постижения окружающего мира.

Литература

1. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 132 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 3-е изд. – М., 1983. – 269 с.
3. Ермаков О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996.
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 125 с.
5. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. – М.: Просвещение, 1977. – С. 125–143.
6. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
7. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учебное пособие. – Самарканд, 1973. – 221 с.
8. Черданцева Т.З. Итальянская фразеология и итальянцы. – М., 2000. – 304 с.

М.Дж. Тагаев,

доктор филологических наук, КРСУ

*Двуязычие как лингвокультурный феномен**

Сколько ты знаешь языков,
столько раз ты человек.

Восточная пословица

В статье ставятся следующие задачи: 1) осветить феномен двуязычия в связи с картинами мира, которые выстраиваются в языковом сознании индивида при пользовании каждым из двух языков, в частности – русским и киргизским; 2) охарактеризовать типы киргизско-русского двуязычия и выявить роль каждого из этих языков в научно-образовательной и социальной сферах.

* Доклад представлен автором на Республиканской научно-практической конференции «Образование и наука в современном университете: опыт, теория, практика» (г. Бишкек, 13 марта 2008 г.).

Отметим, что в контексте системно-структурной лингвистики, господствовавшей почти в течение всего XX века, двуязычие понималось как способность индивида одновременно владеть двумя языковыми кодами. Такую точку зрения можно обнаружить в работах известного лингвиста Л.В. Щербы, который одним из первых в отечественной лингвистике обосновал феномен двуязычия и выделил «два вида сосуществования двух языков в индивиде» и соответственно два типа двуязычия: чистое и смешанное (8, с. 67, 314). Разница между ними, согласно Л.В. Щербе, заключается в том, что при чистом двуязычии языки совершенно независимы один от другого, а при смешанном – «каждый элемент одного из языков оказывается связанным с соответственным по смыслу элементом другого» (9, с. 60).

Антропоцентрическая парадигма в языкознании расширила исследовательское поле лингвистики, включив человека как языковую личность и его сознание в число факторов, используемых для объяснения языковых явлений. Это позволило рассматривать язык в совокупности с той культурой, которая репрезентируется с помощью языковых знаков. При таком подходе феномен двуязычия получает новый ракурс освещения, при котором владение двумя языками не просто способность владеть формальными средствами двух языков, но погруженность индивида в пространство двух контактирующих культур.

В языковом сознании двуязычного индивида обнаруживаются два сосуществующих культурно-языковых пространства, которые могут, как расходящиеся миры, находиться в разных типах отношений друг с другом, что зависит от характера двуязычия. При чистом двуязычии языки, которыми пользуется билингв, существуют в известной степени самостоятельно, используются в разных культурно-языковых пространствах, контактирующих, но не накладывающихся друг на друга. Такой тип двуязычия, сформировавшийся как результат обучения в школах с русским языком обучения и вследствие наличия русскоязычной среды, наблюдается у некоторой части этнических киргизов. В процессе обучения и в общении со своими сверстниками в школе они пользуются русским языком, а дома, как правило, общаются на родном языке. «Обученные этим способом люди хоть и говорят довольно бегло на обоих языках, – писал Л.В. Щерба, – но им всегда очень трудно найти эквивалентные термины двух языков: нужные слова приходят им на память только с трудом. Они могут объяснить, что значит та или иная фраза, то или иное слово, но всегда затрудняются его перевести» (8, с. 67, 314). Общие концепты (ментальные образования, представления), которые существуют в их сознании, получают самостоятельную вербализацию средствами каждого из этих языков, не образуя семантических связей между этими языковыми единицами. Национально-культурные концепты-стереотипы в сознании такого билингва имеют словесное обозначение в одном языке, образуя в контактирующем языке лакуны, заполняемые при необходимости соответствующими толкованиями.

При смешанном типе двуязычия культурно-языковые пространства пересекаются, накладываются друг на друга, образуя общие сегменты, в пределах которых «каждое слово одного языка имеет уже готовый эквивалент на другом» (9, с. 60). Если мы обозначим некий концепт символом K , а формы данных языков, в которых объективирован данный концепт соответственно символами S_1 и S_2 , то это соотношение между коммуникативными системами можно представить следующим образом:

S_1

К

 S_2

При чистом двуязычии прослеживаются отношения $(K - S_1)$ и $(K - S_2)$, но не актуализованы отношения $(S_1 - S_2)$. При смешанном двуязычии почти всегда поддерживается и актуальна корреляция $(S_1 - S_2)$. Таким образом, типы двуязычия Щерба выделяет по способности индивида к переводу и наличию актуализованных связей между смысловыми эквивалентами. Эта мысль Л.В. Щербы подвергается сомнению, так как утверждается, что способность к переводу есть не столько результат того или иного типа двуязычия, сколько зависит «от наличия или отсутствия тренировки в переводах» (7, с. 22). Как показывает опыт изучения деятельности билингов, большие способности к переводческой деятельности обнаруживают индивиды с ярко выраженным смешанным двуязычием, которые специально занимаются переводами.

В недавнем прошлом киргизско-русское двуязычие практически было характерно для всех киргизов. Оно было для них поистине формой жизни, когда язык и действия, с которым он переплетен, составляют единое целое (3, с. 81, 91). Смысл этого утверждения в том, что язык не просто нейтральная знаковая форма для выражения значений и смыслов, а продуктивный медиум, который заполняет коммуникативное пространство между членами общества, служит средством самовыражения индивида, репрезентирует в целом сам этнос (1, с. 12–15). Человек думает и творит, чувствует и познает мир, погружаясь в язык, который пронизывает все сферы человеческой деятельности.

Рассмотренные с лингвокультурных позиций разные типы двуязычия репрезентируют в сознании билинга разные картины мира, под которыми понимается модель действительности, реализованная в языковых формах. Так, для городских киргизов, носителей чистого двуязычия, характерны две языковые картины мира: 1) достаточно объемное культурно-языковое пространство русского языка, основанное на результатах научно-образовательной, познавательной и профессиональной деятельности индивида; 2) более узкое, национально ориентированное культурно-языковое пространство, представленное средствами киргизского языка. Для них первичная категоризация мира может состояться либо в формах русского, либо киргизского языка. Но в силу того, что они осуществляют познавательную деятельность в русскоязычном окружении (в воспитательных учреждениях, школе и вузе), русский язык и лежащее за ним культурно-языковое пространство оказывается доминирующим, сужая и ограничивая пространство родного языка. Русский язык почти полностью удовлетворяет научно-образовательные, жизненные и повседневные потребности индивида, оставляя на долю родного языка сферу этнокультурного и домашнего бытового общения. В языковом сознании носителя чистого двуязычия языковые формы родного и русского языков образуют два автономных, непересекающихся культурно-языковых пространства, в результате чего создаются параллельно функционирующие две языковые личности со своими мирами. В сознании киргиза соседствуют два мира из разных оценок и кодов культуры, эти оценки не пересекаются, каждая из них включается в свою систему, существует автономно, создавая у субъекта толерантное понимание ценностей другого народа.

Другой, асимметричный, тип двуязычия характерен для большинства (около 2/3) киргизов, когда на основу достаточно прочно сформировавшегося культурно-языкового пространства родного языка начинает надстраиваться мир, представленный средствами и категориями второго языка. У представителей поколения, сформировавшегося в советское время, вся жизнедеятельность была переплетена с формами киргизского и русского языков, обслуживающих разные сферы (6). На их мир, который получил категоризацию в формах родного языка, ложится другое восприятие мира, воплощенное в формах второго языка. В настоящее время выросло целое поколение киргизов, практически не владеющих ни русским, ни другими иностранными языками. Мир, познанный в категориях родного языка, кажется им естественным, простым и понятным, в отличие от мира, который представлен средствами другого языка. Для них характерно наличие двух языковых картин мира, которые располагаются в асимметричной оси «свое–чужое». Они совершают трудный путь вторичного вхождения в мир средствами второго языка, когда его изучение, по выражению Гумбольдта, сопряжено с занятием новой позиции в прежнем видении мира (4, с. 80).

Причем, мотивы изучения иностранных языков, особенно русского и английского, в последнее десятилетие получили в Кыргызстане новый импульс благодаря устойчивой и масштабной миграции коренного населения в страны ближнего и дальнего зарубежья. Челночная миграция в эти страны оказывает влияние на социолингвистическую ситуацию по всей стране, делая привлекательным изучение иностранных языков и для младшего поколения, что расширяет базу двуязычия.

При асимметричном двуязычии языки, контактирующие в сознании индивида, по-разному и в разной степени используются в когнитивно-дискурсивной деятельности. Они образуют различные, но в то же время накладывающиеся поля категоризации, составленные из универсальных и идеознческих концептов данных языков. Так, слово *чол* из поля категоризации киргизского языка соотносится с концептами, обозначаемыми в русском языке словами *пустыня, степь, равнина*, т.е. *чол* для киргиза – это все то, что не является горами или водными пространствами. Естественно, что параллельное сосуществование разных картин мира является причиной лексических интерференций. Так, когда билингв соотносит по смыслу слово из родного языка А со словом из языка Б, то он склонен распространять прагматику, ассоциативные и лингвокультурные связи родного языка на осваиваемый. В русской речи двуязычных киргизов можно встретить выражения типа: *Мама, хлеб еще не пришел* вместо *Мама, хлеб еще не привезли*; *На пять рублей ничего не придет* вместо *На пять рублей ничего не купишь*. Каждое слово другого языка мы используем в соответствии с собственным миропониманием и представлением о функционировании языковых единиц. В киргизской речи носителей русского языка можно встретить выражение *Сен канча жыл?* вместо *Сен канча жаштасың?* Слова *жыл* и *жаш*, несмотря на смысловую соотносительность, имеют разную дистрибуцию и употребляются в разных контекстах. В контекстах русского языка типа *Ему десять лет* и *Прошло десять лет* возможно использование слова *летá*, в то время как киргизский дифференцирует эти фрагменты языковой картины мира в отношении возраста человека и течения времени путем использования слов *жаш* и *жыл*.

У двуязычного киргиза складывается иное видение, появляются другие оценки и в целом складывается свой образ мира, который бывает отличным от мира в одноязычном сознании как русского человека, так и киргиза. Так, к примеру, в языковое сознание

такого билингва вписываются концепты картины мира, в которой отражается ситуация проживания киргизов в условиях горного рельефа. Эти представления отражены в словах типа *сай* 'ложбина', *каптал* 'боковая часть', *колот* 'продолговатая впадина между двумя возвышенностями', *капчыгай* 'узкая горная долина', *өзөн* 'горная долина с речкой', *төр* 'место против входа в юрту, высокогорное пастбище', *бел* 'горный хребет, горный перевал в форме седловины', *жайлоо* 'горное пастбище', *кыя* 'косогор, горная тропинка, ведущая серпантином', *адыр* 'холмистая местность', *бөксө* 'весеннее пастбище', *күнгөй* 'солнечная сторона, южный склон горы', *тескей* 'несолнечная сторона, северный склон горы', *ашуу* 'перевал', *өр* 'подъем', *жар* 'обрыв', *короо* 'овечий загон, двор', *мандай* 'противоположная сторона', *кыр* 'горный хребет, гребень горы', *өрөөн* 'долина'. Двухязычный киргиз способен, с одной стороны, различать в родном языке слова *колот*, *капчыгай* и *өзөн*, которые в целом обозначают понятие 'долины', но различаются некоторыми дифференциальными признаками.

Иное мирозерцание у киргизов в отличие от русских проявляется и на деривационном уровне, где наблюдается тенденция словообразовательно маркировать ситуации передвижения по местности со сложным рельефом. В киргизском языке имеется специфический словообразовательный тип со значением «передвигаться по пространству, названному мотивирующим словом». Так, *каптал* – *капталда* – 'двигаться по склону горы', *өзөндө* – 'двигаться вдоль реки', *күнгөйлө* – 'двигаться по солнечной стороне', *тескей* – *тескейле* – 'двигаться по несолнечной стороне', *өрлө* – 'двигаться на подъем', *кыр* – *кырла* – 'двигаться по гребню горы' и др. В русском языке реализация данного словообразовательного типа выглядела бы примерно так: *ложбина* – *ложбинить 'двигаться по ложбине', *долина* – *долинить 'двигаться по долине'.

Если понятийные системы в языковом сознании билингва соотносятся и концептуально пересекаются, то на уровне грамматики вряд ли мы можем говорить о такой степени взаимодействия, так как принципы внутренней организации систем данных языков глубоко различны. В этом случае можно говорить о специфике восприятия мира, стереотипах поведения и языкового мышления, навязываемых грамматическими системами. Сравнивая русскую и киргизскую ментальность, З.К. Дербишева существование таких специфических категорий грамматики русского языка, к примеру, как категория состояния, связывает с такой особенностью «русского характера, как сосредоточенность на состоянии души и чувств», а широкое распространение в киргизском языке каузативных форм объясняет многовековой традицией почитать старших по возрасту или чину, при которой воля старшего передается через посредника третьему лицу (5, с. 142). Такая трактовка появления в языке тех или иных грамматических категорий представляется интересной, однако требующей подтверждения в более широком контексте.

По мере овладения вторым языком у двухязычных индивидов может происходить выравнивание асимметричного двухязычия, складывается два ментально-языковых пространства, которые как функциональные системы причудливым образом коррелируют, пересекаются и накладываются друг на друга. Эти процессы взаимодействия происходят на разных уровнях. На уровне формальном двухязычный индивид в процессе коммуникации переходит с одного языкового кода на другой в зависимости от условий и целей общения, особенностей партнера коммуникации. Даже при пользовании одной языковой системой в речь могут быть вкраплены те или другие элементы контакти-

рующего языка. Так, например, двуязычные киргизы в процессе бытового общения даже с представителями своего этноса, сами того не замечая, легко переходят с киргизского языка на русский, и наоборот.

Родной и русский языки, сосуществующие в сознании билингва, постепенно занимают свои функциональные ниши. Как показывают наблюдения, вхождение в мир и категоризация его, как правило, у двуязычного киргиза (и не только у киргиза) начинается с освоения родного языка. Формы родного языка, традиции и обычаи формируют в нем основы языковой картины мира, нормы поведения и закладывают и формируют его специфическую ментальность. С русским языком он впервые сталкивается в школе, где начинается его изучение со второго класса. Однако в этот период в моноэтническом окружении культура русского народа и мировая цивилизация мало актуальны для носителя киргизского языка. Значимыми эти ценности становятся тогда, когда, взрослея, индивид начинает стремиться к получению качественного образования и решению проблем профессионального и карьерного роста, когда попадает в многонациональные коллективы. В этой ситуации неизмеримо вырастает значение русского языка и других иностранных языков, русской и мировой культуры. А «суть феноменов культуры состоит в том, что они имеют значение для людей; а то, что имеет для людей значение, постепенно обращается в знак» (2, с. 17). Владение русским языком и использование его для познания мира становится для киргиза необходимым знаковым событием, его внутренней потребностью.

Русский и английский языки как средства, обладающие более мощным научно-образовательным потенциалом, должны по-прежнему широко использоваться в научном познании и описании мира, обогащая киргизский язык новыми идеями, понятиями, и тем самым способствовать его развитию. В этой связи, на наш взгляд, не следует решать проблемы одного языка за счет другого путем насильственного изгнания, а выбрать путь сбалансированного двуязычия, когда каждый из языков в сознании индивида, занимая соответствующую нишу, используется для полноценного удовлетворения его жизненных потребностей.

Литература

1. Бахтин М.М. Человек в мире слов. – М., 1998.
2. Брудный А.А. Наука понимать. – Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1996.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Часть 1. – М.: Гнозис, 1984.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
5. Дербишова З.К. Грамматика языка и национальный менталитет // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г. / Труды и материалы. Составители М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. – Электронный ресурс, режим доступа: [<http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/>]
6. Орусбаев А. Русский язык как этнокультурный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане. – Бишкек, 2003.
7. Сутрун А.Е. Содержание обучения русскому языку в белорусской школе. – Минск: Вышэйшая школа, 1987.
8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука, 1974.
9. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе / Общие вопросы методики. – М.: Высшая школа, 1974.